

Он катастрофически не успевал жить. Не хватало времени.

Первый весенний месяц ещё не закончился, а Юрий насчитал уже более пятидесяти перелётов: три-четыре дня – и командировка. Всё в ходу, в спешке... Ручная кладь с расчётом и на жару, и на холод, минимум вещей – компактных, немнущихся. Паспорт, кошелек, визитки, телефон, зарядные устройства... И неизменный ноутбук, извлекаемый из чемодана при любой возможности: чтобы просмотреть документы, срочно добыть архиважный текст, молниеносно ответить на письма; он был прикован к нему, как раб цепями к веслу галеры, – вся жизнь в режиме жёсткого дедлайна. И чтобы корабль не сбавил свой ход, не отклонился от курса, раб изо всех сил должен налегать на проклятое весло, грести что есть мочи... Писать, отвечать на звонки, срывать с места по первому свисту и, бросив всё, лететь на другой конец света...

Он много путешествовал, но мало видел: так, разве что из окна такси по пути из аэропорта и обратно удавалось отрывочно, кусками посмотреть какой-нибудь город... Да это и путешествиями-то нельзя было назвать, скорее перемещениями в пространстве, потому что путешествие – это свобода и созерцание, а он был загнан, затравлен бесконечной карьерной гонкой. На постоянный цейтнот не жаловался, даже мысленно: от многочисленных стран-континентов уже давно наступила передозировка, пресыщенность впечатлениями, которые, смазываясь, наслаивались друг на друга.

Когда-то Юрия окружали друзья, но постепенно все до одного исчезли: разные временные зоны, ритмы, графики – и контакт безвозвратно утрачен. Да и некогда было встречаться: времени всегда в обрез, на сон-то лишний час не выкроишь, не то что на общение.

Он разучился отдыхать и расслабляться: чтобы заснуть – втыкал в уши наушники и топил мозг первой попавшейся под руку аудиокнигой, пока глаза не закрывались сами собой; чтобы проснуться –

вставал на беговую дорожку. И огромный беличий барабан начинал крутиться с новой силой... И так изо дня в день, из года в год.

...Командировка в Индию ничем не отличалась от предыдущих: нужно было прилететь, подписать документы, улететь. Всё как всегда – быстро, сжато, спрессованно. Штурм очередной вершины. Он делал это миллион раз. И, достигнув цели, переходил к следующей...

...Обдумывая предстоящие переговоры, Юрий равнодушно поглядывал в иллюминатор: в изумрудной дымке таяли звёзды, сливаясь с раскинувшейся до горизонта огромной сетью мерцающих и с каждой секундой бледнеющих огней. Он чувствовал привычное напряжение в мышцах, какое испытывает боец, готовый к матчу, – через полтора часа сделка!..

Когда первый солнечный луч ослепил глаза, он увидел под дрожащим кончиком крыла огромный, будто парящий над городом буддийский храм. От неистового бесчинства красок и великолепия хитросплетённых колонн и сводов захватило дух! «Нежели это чудо сотворила рука человека?» – невольно мелькнуло в голове. Внезапно Юрий ощутил себя песчинкой на ладони Создателя, и это ощущение было таким оглушительным, сбивающим с ног, что мужчина растерялся. Но оно пропало тотчас же, как только взгляд его упал на золотой круг циферблата: невидимая белка уже всю перебирала маленькими шустрыми лапками...

...Блистательно проведя переговоры и заключив сделку, Юрий спешил в аэропорт... Удушающая жара сменилась ливнем. Он выбирался на такси из центра, оставляя позади красивые высотные здания с огромными, утопающими в подсветке буквами на крыше. Теперь пейзаж за окном удручал нищетой и безнадёжным унынием: по обе стороны дороги расположились трущобы; картонные сооружения нависали друг над другом, жались, как сироты, лепились в тесноте. Под брезентовыми навесами кипела работа: крепкие смуглые руки шили одежду, пекли лепёшки, валяли керамические горшки... Несмотря на дождь, местные жители не стремились в укрытие. Шла бойкая торговля фруктами. Женщины развешивали на верёвках выстиранное бельё. Низкорослые тщедушные индусы деловито сортировали мусор в баках. Кто-то, расположившись прямо на узком тротуаре и прикрывшись пальмовыми листьями, спал... На земле валялась мандариновая и банановая кожура, обрывки бумаги, конский навоз.

Повсюду рыскали собаки. Лениво переставляли ноги тощие коровы, тыча грязные морды в груды отходов... Чтобы заглушить чудовищную вонь, которая проникала даже сквозь наглухо закрытые окна автомобиля, Юрий начал курить... Его не покидала тревога – невесть откуда взявшаяся и ноющая, как больной зуб. Был в ней какой-то странный привкус негармоничности окружающего пространства, неполноты жизни, будто ты сам себе не принадлежишь, будто всё настоящее, живое необратимо и безвозвратно проходит мимо тебя, а ты для этого мира – чужой, посторонний... Юрию не терпелось поскорее сесть в самолёт и покинуть страну, которая вызывала в нём так много острых и противоречивых эмоций...

...Идя к стойке регистрации, он услышал за спиной знакомую русскую речь – торопливую и восторженную:

– Никогда не чувствовала себя настолько умиротворённой! Такое просветление! Будто заново родилась!

– Здесь ты обращён лицом к Богу!

– Я буквально очистилась внутренне!..

«Видимо, прямиком из буддийского храма», – саркастически усмехнувшись, подумал Юрий... Да, туристов здесь полно: снуют туда-сюда, фотографируют, тратят деньги, умиляются. А потом, вернувшись домой, рассказывают про свою преображённую душу, из которой навеки изгнаны зло и страхи и где отныне царят лишь свет, любовь и жажда истины... Так знакомо. И так банально...

Туристы раздражали его, и вместе с тем он завидовал этим людям. Завидовал, что они вот так запросто, нацепив на шею дешёвые индийские побрякушки и расписав, забавы ради, руки хной, могут стоять и, праздно переминаясь с ноги на ногу, рассуждать о тайнах мироздания, в то время как он, обливаясь потом в строгом брендовом костюме, наглухо застёгнутый на все пуговицы, торопился в свой московский офис – положить на стол руководству подписанный контракт... Скрипя зубами, он нервно забарабанил пальцами по гладкой сверкающей коже портфеля... Уехать! Уехать!..

...У входа в зал, тяжело дыша, лежала собака. В рыжей лохмотой шерсти бурела запёкшаяся кровь. Её и не выгоняли, и не пытались помочь. На неё просто никто не обращал внимания – лежит себе и лежит. По стране бродили десятки тысяч голодных, больных, умирающих животных; местные не обижали их, но и не заботились.

Несчастливая псина – лишь одна из многих. Если ей повезёт – издохнет в течение пары часов; нет – будет мучиться до утра...

– Такая мощная энергетика! – экзальтированно восклицала за спиной Юрия «паломница». – Чувствуешь себя на вершине мира!

– И ведь веришь же, что Будда плачет из сострадания ко всему живому, а не потому, что дождь идёт! И что слёзы его – нектар любви! – вторили её спутники с такой же воодушевлённой страстью.

– И какое единение с природой! – торопливым жестом подобрав юбку и обогнув собаку, восклицала девушка. – Это просто дыхание Космоса!

...Скривившись, Юрий посмотрел на часы. «Будь всё проклято!» – прорычал он под нос, коря себя за приступ чувствительности, вспыхнувшей так некстати, и вышел из очереди. На его место, как на боевой пост, тотчас же заступили туристы, таща за собой тяжёлые, доверху набитые сувенирами сумки.

...Подойдя к собаке, он присел на корточки, погладил подрагивающую холку. Словно ожидая удара, влажный коричневый глаз на секунду зажмурился; вздыбившуюся шерстку смочили горькие собачьи слёзы...

Осторожно взяв на руки пса, Юрий зашагал к автостоянке. «Эй, где здесь поблизости найти ветеринара?»

И снова такси, снова грязные нищие кварталы... Его самолёт давно улетел, а телефон разрывался от звонков. Он отвечал односложными, скупыми фразами: мол, попал в пробку и опоздал, вылетит следующим рейсом... Под рукой он чувствовал биение маленького испуганного сердца. Изредка шептал: «Держись, дружище... потерпи ещё немного...».

...Отыскать ветлечебницу в огромном городе было непросто, и то работали в ней не коренные жители, а приехавшие из других стран волонтеры. Индусов не особенно заботило здоровье меньших братьев, и потому бродячие животные стаями ходили по улицам. Особенно много скиталось коров – с выпирающими рёбрами, мычащих от голода. Покуда от коровы была польза и она давала хозяевам молоко, её держали дома, едва скотина старилась – выгоняли за ограду. Убить рука не поднималась: как-никак – священное животное.

– Ваша? – коротко спросил Юрия ветеринарный врач. Судя по выговору, француз.

– Нет, подобрал в зале ожидания в аэропорту.

– Тогда бесплатно. Бездомных стерилизуем и лечим бесплатно.

– Что с ним, доктор?

– Похоже, подрали другие собаки... Я сделаю ему укол и обработаю раны... Выживет, не беспокойтесь: они неглубокие!.. Оставьте его или подождёте?

– Подожду, – машинально ответил Юрий, впившись глазами в экран подвешенного к потолку маленького телевизора.

...Красно-белые пунктиры ленты, за которой зияла огромная чёрная воронка... Груды дымящегося железа... Опалённый остов самолёта... Того, на котором он должен был улететь!.. «Все находившиеся на борту пассажиры, а также члены экипажа погибли...» – вещала, прижимая к губам микрофон, длинноногая журналистка, отважно пробираясь сквозь оцепление.

– Что там, теракт? – без особого интереса спросил Юрия врач и, не дожидаясь ответа, кивнул на собаку. – Не хотите забрать с собой?.. Если что, могу оформить документы на перевозку...

«Все находившиеся на борту...»... Все до единого! Кроме него...

– Да... конечно... – растерянно пробормотал Юрий.

Пёс лежал на операционном столе спокойно и расслабленно, словно был не под воздействием наркоза, а знал, что теперь у него есть дом и хозяин, и это придавало ему уверенность. Тонкие жёсткие волоски вокруг закрытых глаз оставались сухими. Он больше не плакал.

